

В.В. Милонов:

«Как только становится возможной дискуссия по поводу фундаментальных ценностей, на которых основывается общество, сами такие ценности незамедлительно оказываются под угрозой»

Интервью председателя комитета по законодательству Законодательного Собрания Санкт-Петербурга **Виталия Валентиновича Милонова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

— Виталий Валентинович, Вы первый в нашей стране заявили о необходимости противостояния гей-пропаганде на государственном уровне и инициировали принятие петербургским Законодательным Собранием соответствующего закона в марте прошлого года. Через год с лишним аналогичное решение было принято и на федеральном уровне, и его с полным правом можно воспринимать именно как развитие законодательного процесса в этом направлении, начатого в северной столице Вашими усилиями. То есть фактически все началось с Вас, с Вашей четкой и однозначной позиции. Как Вы решились встать на борьбу с явлением, за которым не только на Западе, но и в России — и это уже совершенно очевидно — стоит мощнейшее лобби? До недавнего времени нам казалось, что все эти гей-парады, политкорректность в отношении нетрадиционной ориентации, паритетный состав сотрудников органов власти — преимущественно муниципальных, — где «традиционалистов» и «нетрадиционалистов» должно быть поровну, — все это слишком далеко от нас, на Западе, где с жиру бесятся, а в России — свои сермяжные проблемы. И вдруг оказалось, что это не так, что в нашей — российской — действительности мы столкнулись с бук-

вально тоталитарной пропагандой нетрадиционной сексуальной ориентации. Вы это почувствовали — и забили тревогу?

— Предостережения обществу следует делать не тогда, когда уже все горит и кипит, а гораздо раньше. Необходимо чувствовать запах ветра. К войне нужно готовиться задолго до нападения врага — для этого в военном министерстве и существуют разведка и информационно-аналитическое управление. Тенденции, разворачивающиеся в нашем обществе, имеют четкую привязку к тем трендам, тем нововведениям, тем «инновациям» в кавычках, которые вчера были в Соединенных Штатах, а сегодня утром проявились уже в Европе. Характер распространения информации радикально изменился, заградительных барьеров и фильтров, процеживающих новостные потоки, больше не существует, глобальные сети разносят любое веяние просто с громадной скоростью. Поэтому я бы сказал так: тот закон, о котором Вы сказали, это не закон-наказание, а скорее закон-прививка.

— Вы имеете в виду петербургский закон?

— И петербургский, и федеральный — оба. Наш городской закон ни в коем

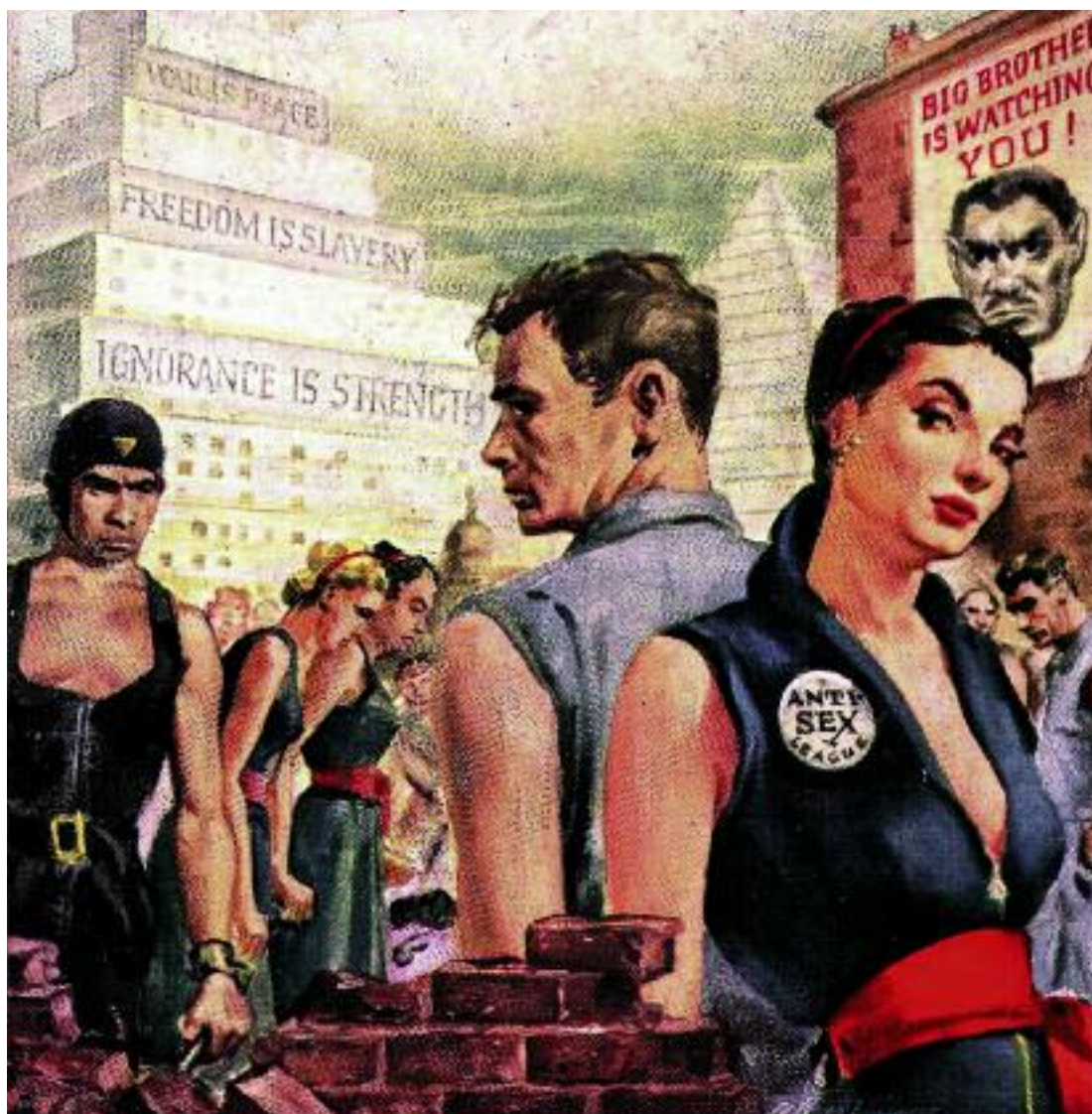
случае не был провокацией. Он стал серьезным обозначением, маркером такой фундаментальной для государственности проблемы, как духовный суверенитет страны. Впервые на законодательном уровне мы смогли заявить, что прекратили безакцептное принятие так называемых демократических (я не буду говорить культурных — о культурных мы спорим уже давно) западных инноваций. В первую очередь тех инноваций, которые касаются различных истолкований прав человека и непонятно кем сделанных дописок к этим правам. Всё — под этим подведена большая и жирная черта. Нет, конечно же, есть основополагающие представления, с которыми Россия согласна, которые она признает и считает жизненно важным для себя делом их отстаивать и защищать. Между тем, как говорится в анекдоте, вроде бы, договаривались об одном, а получили совсем другое. А кто, собственно говоря, обсуждал эти новеллы, эти нововведения, основанные на несвойственных для россиян — да и вообще для нормальных людей — видах поведения? Где та грань, которая разграничивает действительные права человека, то есть ту подлинную ценность, на которой основывается существование любого общества, и ломание через колено людей в угоду, как Вы правильно сказали, просто какому-то лобби? Проблема даже еще серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Сегодня в Соединенных Штатах и в ряде европейских стран просто по факту утвердилась диктатура новых ценностей. Любой человек, который заявит о личном неприятии этих ценностей — пусть даже из-за своей религиозной позиции (или, я бы уточнил, — особенно из-за своей религиозной позиции) подвергнется жесточайшим гонениям. Если в Гер-

мании депутат моего уровня публично выскажется против таких ценностей — хотя бы по причине своих христианских убеждений, — то он моментально лишится поста депутата. Нас обвиняют в принятии антидемократичных законов. Тогда скажите мне, что такое демократия? Это послушное, покорное принятие всего того, что тебе швыряют? Или же все-таки это право общества отстаивать собственные ценности? Разве в нашем законе

против гей-пропаганды говорится о каких-то репрессивных действиях в отношении сексуальных меньшинств? Ни слова. Там говорится только об одном — о том, что детство должно быть защищено от всякого непотребства, от любого недетского контента, как сейчас стало модно говорить. Разве вопрос сексуального просвещения детей — особенно под таким экстравагантным углом зрения — является жизненно важной необходи-

Иллюстрация к обложке книги Джорджа Оруэлла «1984»

Добиваясь уравнивания в правах, правозащитники от ЛГБТ тут же начинают требовать для себя дополнительных прав. А уже следующий за подобными хотелками шаг с их стороны – это полный нигилизм в отношении традиционных ценностей. Это разрушение авторитета семьи, юридическая аннигиляция самого понятия «семья», подведение общества к фактически антиутопическому состоянию, описанному всеми известными писателями начиная с Оруэлла и заканчивая Замятиным.

мостью? Разве можно создать нормальное общество, если дети будут расти в атмосфере разврата и полного отрицания семейных ценностей? Это дурак учится на своих ошибках, а нам сам Бог дал возможность учиться на ошибках наших западных соседей.

– На примере Запада наглядно видно, как, казалось бы, на первый взгляд безвинное публичное отстаивание равнопра-

вия для лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией на практике оборачивается именно тоталитарной пропагандой образа жизни этого сообщества, выставляемого этаким кастой избранных, которой все остальные «натуралы» и в подметки не годятся...

– Никогда еще ни в одной стране мира процесс уравнивания в правах лиц с нетрадиционной ориентацией не оста-

навливался на том, на чем настаивают наши так называемые правозащитники от ЛГБТ. Никогда и нигде представители этого комьюнити не довольствовались лишь уравниванием в правах. Добиваясь уравнивания, они тут же начинали требовать для себя дополнительных прав – то есть таких прав, каких у нас с Вами нет. Такое поведение секс-меньшинств и их покровителей – это аксиома, регулярно подтверждаемая событиями на Западе. А уже следующий за подобными хотелками шаг с их стороны – это полный нигилизм в отношении традиционных ценностей. Это разрушение авторитета семьи, юридическая аннигиляция самого понятия «семья», под-

ведение общества к фактически антиутопическому состоянию, описанному всеми известными писателями начиная с Оруэлла и заканчивая Замятиным. Это, наконец, дыхание какого-то совершенно безумного времени. Я не знаю, не могу обозначить предельную глубину падения и деградации — глубину, в которой окажется современное человечество. Поэтому мне трудно соотнести этот ожидаемый уровень морального разложения с уровнем, достигнутым жителями Содомы и Гоморры. Однако примерные ориентиры того состояния, к которому подталкивают человечество поборники гей-культуры, вполне очевидны. Это такое бесполое пробирочное общество послушных, радующихся тому, чему им предписано радоваться, людей.

— **То есть тут еще проглядывает и очевидный политический интерес: гей-пропаганда как инструмент манипулирования большими сообществами?**

— Конечно! Почему гей-общество и его организации получают такую хорошую финансовую поддержку? Почему некоторые крупные транснациональные корпорации финансируют ЛГБТ-движение? Это очень тонкий коммерческий расчет. Люди, которые сейчас являются адептами, поклонниками новых поведенческих стандартов, — это люди, которые перестают думать. Для них понятия чести, достоинства, родины, традиции перестают существовать. Они объявляют себя людьми мира, призывают отказываться от любых стереотипов, навязываемых-де прошлым, и просто следить за новыми трендами. А что значит — следить за новыми трендами? Да это самая благоприятная, самая унавоженная почва для любой рекламной кампании: это модно — одевайтесь, это вкусно — кушайте, это стиль-

но — смотрите и слушайте и так далее. Стало модно носить зеленые ботинки — все эти хомячки побежали и купили себе зеленые ботинки. Эти люди не задаются вопросом: зачем так поступать, какой смысл в этой бесконечной потребительской гонке? А зачем думать? Следуй туда, куда тебя подталкивают, и при этом вдоволь обменивайся впечатлениями с себе подобными в социальных сетях...

— **Вообще-то я хотел задать этот вопрос позже. Но раз уж разговор сам вышел на эту тему, задам его Вам сейчас. Посмотрите, разнузданное навязывание гей-пропаганды и соответствующих этой пропаганде ценностей фактически синхронизировано с углублением демографического кризиса автохтонного населения Запада. Я имею в виду белое население. Я никогда не слышал о том, чтобы ЛГБТ-ценности пропагандировались среди иммигрировавшего на Запад мусульманского населения — даже выходцев из тех стран, которые считаются светскими и причастными к исламу лишь культурно, как, скажем, Турция. (Я сейчас не хочу говорить об исламизации Турции — я просто обозначаю сложившийся на протяжении десятилетий образ этой страны.) Я также ничего не знаю о гей-пропаганде среди афроамериканцев и афроевропейцев. Нет, объект такой пропаганды — именно белое население Запада. И вопрос мой следующий. Вы сказали, что популяризация ЛГБТ-движения и ЛГБТ-ценностей — это верный способ упрочения основ общества потребления, подсаженного на рекламную иглу. Согласен с Вами полностью. Но нет ли здесь еще и своего рода цивилизационной селекции, предполагающей адресную депопуляцию именно белого населения Запада?**

— Конечно, Вы правы.

— **Потому что, посмотрите, за какие-то считанные два-три**

десятилетия белая Европа практически исчезла, растворилась в наводнивших ее иммигрантах. И это стремительное исчезновение исторической Европы совпало с не менее стремительным превращением гей-культуры в чуть ли не господствующую, с насаждением стерильного политкорректного единомыслия в отношении сексменьшинств. На этом фоне о такой «мелочи» в кавычках, как декристианизация, уже даже и говорить не приходится.

— Некоторое время назад я выступал на радио, и моим оппонентом был Гозман — правая рука Чубайса, человек малопочтенный в любом нормальном обществе. И в ходе полемики я ему сказал: «Вы не думали, что те ценности, которые Вы отстаиваете, — это ценности умирающего общества? Это ценности общества, которое неспособно сопротивляться, как это ни парадоксально, более сплоченному, традиционалистски ориентированному африканско-азиатскому населению?» Он мне ответил: «В Америке за такое расистское заявление Вас бы непременно сурово наказали, засудили». Ну, это демократы, понятно, они же по-другому не умеют... Ко мне в кабинет регулярно навещают консулы разных западных стран с требованием «немедленно прекратить агрессию против ЛГБТ-сообщества». Так прямо и говорят: «Отмените свой дискриминационный закон, иначе мы Вас в Страсбурге засудим!» Ну, я их, конечно, посылаю подальше с их Страсбургом. Когда они начинают что-то говорить про Страсбург, я вспоминаю, что все-таки русский, и привожу слова Александра III: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». Это для Румынии Страсбург является чем-то значимым и опасным. А для нас это обычный город во Франции, где едят лягу-

Вы пригласили к себе в дом гостей, которые, войдя в него, ни рук не помыли, ни верхнюю одежду с обувью не сняли. И мало того – еще и правила поведения в вашем доме абсолютно игнорируют: живут так, как будто они у себя дома, и ваши ценности вообще не считают ценностями.

шек, не более того. Мы уважаем ваши традиции, и если вы выбрали путь самоуничтожения, то это ваш путь. Мы не вправе не уважать ваш выбор, но мы не обязаны следовать ему в нашей стране. А что касается этнического состава нынешней Европы, то в данном случае речь идет вовсе не о расизме, а о банальных математике и демографии. И тут неважно, какие слова мы употребляем, говорим ли мы затабуированное сейчас на Западе слово «негр» или вполне политкорректные слова «афро-

американец», «афроевропеец» и т.д. Мне, кстати, непонятно, почему слово «негр» считается теперь ругательным. Меня в школе учили, что есть белые, а есть негры. И при этом в Советском Союзе уровень ненависти к людям с черной кожей был нулевым. А когда их стали называть «афротаккой-то», то к ним почему-то тут же возникла неприязнь. В Советском Союзе была не толерантность, а дружба народов. Толерантность как раз и приводит к этническим и расовым беспорядкам. Вот в итоге и

сводится все к математике и демографии. Если у вас есть две прогрессии – одна отрицательная, а другая положительная, – то к чему вы придете? Помните школьную программу? Результатом отрицательной прогрессии рано или поздно окажется ноль, а положительная прогрессия будет расти. А теперь наложим на эту математику демографические формулы. Что окажется? Начиная с определенного критического уровня процесс приобретает лавинообразный характер: меньшинство, абсолютно не ассимилирующееся, не соединяющееся с большинством, просто уничтожается. Я говорю европейцам: вы разводите костер на большой mine и радуетесь этому, но когда она взорвется, вас уже просто никто не станет ни о чем спрашивать, вас просто не будет на свете. Вы пригласили к себе в дом гостей, которые, войдя в него, ни рук не помыли, ни верхнюю одежду с обувью не сняли. И мало того – еще и правила поведения в вашем доме абсолютно игнорируют: живут так, как будто они у себя дома. Вы-то когда приезжаете к ним в гости, разувааетесь, надеваете сменную обувь, уважаете их традиции и даже думать не смеете, чтобы требовать что-то такое, что хозяевам может не понравиться. Они же здесь ваши ценности вообще не считают ценностями.

– Вы имеете в виду ценности старой христианской Европы или современные мультикультуралистские ценности?

– И те и другие – им без разницы. А так называемые мультикультуралистские ценности вообще для этих гостей удобное подспорье, если благодаря таким ценностям о гостях пекутся и заботятся несопоставимо больше и лучше, чем о своих коренных гражданах. Да еще всячески убеждают последних, что, мол, культура и

религия гостей вполне миролюбивые, и потому к ним надо относиться предельно терпимо. Вы знаете, я вообще сейчас на пятом курсе Свято-Тихоновского университета учусь и лекции отца Андрея Кураева очень люблю. И сравнительное богословие очень мне нравится. Поэтому со знанием дела могу заявить, что некоторые религии в мирном виде вообще существуют лишь как отклонение от канона. И Россия в этом смысле является уникальной страной, наверное, единственной страной в мире, в которой при подавляющем количестве православных ислам никогда не притеснялся именно как ислам и всегда мог достойно существовать. Но подобное положение дел было при «православии, самодержавии, народности» — тогда никаких проблем не было. Но как только начали больше заботиться не о сохранении своих традиций, а о поддержании плюрализма, как только стали исступленно выдумывать синтетические либеральные ценности, все пошло наперекосяк. Как только становится возможной дискуссия по поводу фундаментальных ценностей, на которых основывается общество, сами такие ценности незамедлительно оказываются под угрозой. Этики взаимоотношений представителей разных культур на основе придуманных либеральных ценностей никак не складывается, а бывшее взаимоуважение стремительно утрачивается. Именно поэтому Европа сейчас погибает. Ее умирание прежде всего проявляется в демографических тенденциях, которые не были бы настолько деструктивными, если бы чужеродная культура попала в более сильный организм. Сильный организм обладает иммунитетом. А миграция ударяет сейчас по ослабленной Европе. Не зря ведь в Еванге-

лии говорится: «И не бойтесь убивающего тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне» (Матф. 10:28). Тело не может существовать без души. Внешнее «просперити» Запада — это пир во время чумы, это раскрашенный гроб. Сила-то ведь — только в традиции, в приверженности истинным ценностям.

— И поэтому особенно досадно видеть все происходящее в Европе и при этом ясно осознавать, что еще совсем недавно в этой колыбели нашей цивилизации безраздельно господствовали традиционные христианские ценности.

— Все что есть сейчас на Западе — это не заслуга современного мира, а просто то, что они накопили за время правления — причем тоталитарного — как раз самых что ни на есть традиционалистов. Это все мне напоминает историю с очередным барчуком, который гонял на «Бугатти» со своей любовницей, попал в аварию, разбил машину и создал другим массу проблем. И при этом он не ощущает себя виновным, потому что считает, что он — цвет нации. Он забыл, что «Бугатти» купил вовсе не он сам, а его папа, который работает по 24 часа в сутки и не гоняет с любовницами на престижных иномарках, а горбатится на фабрике, на заводе, в банке, не отрывая головы. Барчуку этому трудно и не хочется понимать, что у него такая машина вовсе не потому, что он ее заслужил, а потому, что у него папа такой. То есть он, по сути, разбазаривает наследство отца. Когда отец умрет или состарится и не сможет уже управлять капиталом, этот барчук станет просто проедать наследство, пока оно не закончится. То, что происходит сейчас в Европе, — это проедание наследства, не более того. Экономический по-

тенциал, накопленный отцами-основателями Евросоюза, действительно был огромным, и его пока что хватает, несмотря ни на какие кризисы и рецессии. Но это пока. Хотя проблемы уже на пороге. И проблемы не только и даже не столько сугубо экономические, сколько в первую очередь психологические, жизненные. И невозможность противостоять мигрантскому натиску — одна из наиболее зримых и острых на сегодняшний день. Почему так происходит? Да потому что у ребят, вышедших из хижин и мазанок, с окраин цивилизованного мира, как раз с традиционализмом все в порядке. И поэтому у них все получается, поэтому они не просто укореняются в Европе, но и постепенно усиливают там свои позиции. А автохтонные европейцы, которые отказываются от своих базовых ценностей, наоборот беднеют и банкротятся. Другое дело, что представление о бедности у них, скажем так, далекое от истины. Они привыкли брать три сосиски, одну есть, а две выкидывать. Поэтому сейчас, когда перед ними стоит задача поделить одну сосиску на три части, у них ничего не получается. Это они называют кризисом. Понимаете, в чем дело? Европа не готова к кризису абсолютно, поэтому там такая паника и такая растерянность. И единственное, на что они оказываются способными, так это на то, чтобы пожертвовать кем-то. Скажем, Грецией или Кипром. Причем обратите внимание на одну любопытную закономерность, о которой как-то — видимо, из-за политкорректности — не принято говорить. Почему, когда надо отдать девственницу дракону, в жертву приносят именно православную страну? Почему до сих пор не пожертвовали кем-то из латинян или протестантов?

А то сначала отдадут Грецию, потом Кипр. А до этого отдали Сербию на растерзание варварам, просто собакам из Албании. Нужно было удовлетворить амбиции Великой Турции, которая расширяет экспансию и при этом лицемерно демонстрирует свою как бы толерантность — дескать, у них там в Стамбуле гей-парад проходит. Да он у них прекратится моментально, когда в нем больше не будет нужды. А нужно было дать мяса — и отдали православную территорию Косова. И на этом фоне Европа еще смеет нас учить уму-разуму! В лице того же консула Швеции, у которого жена — не жена, а муж. И этот консул Швеции заявляет мне, что я неправ и должен отменить закон о гей-пропаганде. Он, видимо, не хочет вспоминать о том, что в том же Косове, в котором сейчас солдаты его страны оберегают государственную независимость этой самопровозглашенной республики, понятие «права человека» применимо только к тем, которые, извините меня, целуют трусы с американским флагом. И православные люди находятся там в положении, аналогичном положению евреев в фашистской Германии. Разве что шестиугольные звезды им не нашивают. Да они и не нужны, так как православных там просто расстреливают и забивают до смерти. Я там бываю регулярно и все это вижу собственными глазами. Если, например, православный храм там не будет охраняться бэтээрами и не будет обнесен колючей проволокой, то в него ворвутся эти хищники и разграбят его. Так поступают сейчас их, так сказать, братья в Сирии, ворвавшись в христианское селение.

— **Виталий Валентинович, после того как Вы стали известным на всю страну из-за закона о гей-пропаганде, на Вас тут же по-**

шел накат. Хочется понять, чем этот накат был вызван в большей степени — намерением гей-лобби Вас демонстративно наказать, чтобы другим неповадно было, или же стремлением так называемой либеральной общественности дискредитировать Вашу идейную позицию, ту идеологию, которую Вы отстаиваете, а закон здесь оказался лишь поводом? Ведь либеральная общественность в своем подавляющем большинстве, конечно, не ЛГБТ, а нормально, традиционалистски ориентирована, но воспринимает ЛГБТ-ценности как неприменимый ярлычок западной стилистики, западной ментальности, западного образа жизни, которые надлежит безоговорочно принимать — и поэтому обязательно разрешать гей-парады. Все-таки чего здесь было больше, по Вашему мнению? Недовольства тем, что борьба с гей-пропагандой противоречит общепринятому стандарту либеральных ценностей? Или Вас просто пытались поставить на место наши адепты ЛГБТ?

— Несмотря на то, что я не считаю себя специалистом по пиару, в политике я не первый день и кое-что уже научился понимать. И поэтому правильнее говорить не о том, кого я спровоцировал сильнее — гей-пропагандистов или либералов, а о том, как вообще велась кампания по дискредитации нашей инициативы. Это была очень грамотная и дотошно выверенная кампания. Сначала стали просто ругаться, потому что носители ЛГБТ-ценностей увидели в законе очень серьезную проблему для себя. И первым отреагировал Запад — уж там-то прекрасно понимают, о чем идет речь.

— **То есть не наши, а именно Запад?**

— Первый — Запад. У меня где-то до сих пор валяется письмо, подписанное одиннадцатью консулами, европейскими и американским, с

настоятельной просьбой встретиться и обсудить ситуацию с законом — мы его тогда как раз только приняли в первом чтении, — которым они крайне обеспокоены. То есть сначала просто пытались поговорить — и, может быть, договориться. Потом, когда поняли бесперспективность подобных шагов, стали запугивать. Ведь что для либерала самое страшное? Если Запад угрожает ручкой. Страшнее этого ничего нет и быть не может. Поэтому надо срочно каяться и исправлять содеянное. Я же спокойно на все это реагировал и терпеливо объяснял, что закон не имеет человеконенавистнического характера, что мы не намерены никого лишать гражданских прав, что это просто наша точка зрения. В конце концов, можем же мы — россияне — иметь собственную точку зрения? Вы же не осуждаете японцев за то, что у них неприличным считается в глаза смотреть, когда здороваешься? А у нас неприличным считается детям рассказывать про всякие мерзости. Если вы своих детей хотите дебилами растить, то, пожалуйста, рассказывайте. Жалко, конечно, ваших детей. Но своих детей мы не хотим растить в такой атмосфере. Когда же они поняли, что угрозами ничего не добьются, то стали действовать иначе — развернули массивную пиар-кампанию. И вот на этом этапе подключились уже и наши. Подняли вой, дескать, гомофобная власть делает все для того, чтобы нас вышвырнули из цивилизованной Европы. Но и тут не сработало. Социологические опросы показали, что 86 процентов опрошенных поддерживают закон. Тогда сценарий наездов снова изменился. Мне стали приписывать всякие глупости, которые я якобы где-то и когда-то озвучивал. Например, что я якобы

Оскверненный храм в Косове

предложил призывать женщин в армию. И, кстати, как Вы думаете, кто первым приписал мне эту несурезицу? Навальный! Больше года назад в своем твиттере он написал, что Милонов хочет женщин, не родивших до 23-х лет ребенка, брать в армию. А потом уже пошло-поехало. Против меня в сетях развернулась настоящая война. Я-то спокойно к этому отношусь, и мне даже интересно все это наблюдать. Но вместе с тем, конечно, не может не тревожить то, что мы позволяем нашим врагам так свободно и открыто орудовать на нашей территории. Почему у нас социальные сети превратились в откровенный рупор антигосударственных, антироссийских сил? Я попытался призвать к ответственности владельцев этих публичных сообществ в Интернете. Они, естественно, тут же все исказили, сказали, что я против шуток в Интернете. Ну, да бог с ними. Они-то четко понимают, на что я покушаюсь. Я поку-

Почему, когда надо отдать девственницу дракону, в жертву приносят именно православную страну? Почему до сих пор не пожертвовали кем-то из латинян или протестантов? А то сначала отдают Грецию, потом Кипр. А до этого отдали Сербию на растерзание варварам, просто собакам из Албании.

шаюсь на как бы априорно воспринимаемые в качестве незыблемой данности безответственность и вседозволенность социальных сетей. У нас журналист любого СМИ — вне зависимости от аудитории этого СМИ — несет полную ответственность за подаваемую им информацию — вплоть до уголовной. Пускай даже журналист какой-нибудь районной малотиражки. А вот хозяин паблика в три миллиона подписчиков почему-то не несет никакой ответственности вообще. А в этих самых пабликах ведется самая настоящая идеологическая работа. Вычленяется некая целевая группа, падкая на всякого рода скабрёзности. Ну, понятно, это молодежь, подростки. Ис определенной периодичностью в эту целевую группу

вбрасывается та или иная идея. Скажем, идет ряд: полуголые девки, машины, пошлые шутки. Потом — бац! «Путин — такой-то». Потом опять девки-машины, а затем снова: «Живу в сраной, — прошу прощения за это цитирование, — Рашке, душой в замечательной Америке». И опять девки-машины... Мы проигрываем эту войну, мы теряем молодежь. Эти глупые несмышленные подростки-школьники — мальчики и девочки — ведутся на эту гадость. У нас закон защищает от агрессии в традиционных средствах массовой информации, но делает нас абсолютно беспомощными в тех коммуникационных системах, которые сейчас являются самыми эффективными, — в сетевых. Мы можем показывать по

Уничтожение оборудования для производства химического оружия в Сирии

Россия договорилась и решила проблему химического оружия в Сирии. Этого обоснования для вторжения в Сирию больше не существует. Так нет же, все равно Америка не отказывается от намерения наказать Асада.

телевизору сколько угодно хороших передач, но только, к сожалению, такие передачи смотрят только те, которые и без того являются приверженцами традиционных доброкачественных ценностей. А те, которым это нужно смотреть в первую очередь, — не смотрят, а сидят в соцсетях. Мы кого — самих себя хотим в чем-то убедить? Зачем? Нам надо в первую очередь работать с теми, которых наши враги перетягивают на свою сторону. Например, с теми самыми десятью процентами москвичей — тридцать процентов явки было, и тридцать процентов от явки — как раз десять процентов, — которые пошли за своим лжепророком, за этим новым Виссарионом. Вот с кем нужно работать. А с ними по телевизору, к сожалению, общаться нельзя — они не смотрят телевизор. У них есть свое сетевое «болото»...

— Извините, я Вас перебыю, но ведь все информационное пространство на московских выборах было отдано этому «Висса-

риону», абсолютно все! И в этой ситуации просто невозможно было не привлечь на свою сторону треть проголосовавших. И, кстати говоря, он еще мало набрал.

— Я бывал в Москве неоднократно во время избирательной кампании и видел все это. Видите ли, в чем дело. На московских выборах решили продемонстрировать максимально свободную кампанию и максимально свободное голосование. Ребята, а мы что — Веймарской республикой стали, что ли? И ради того, чтобы кто-то был доволен выборами, мы готовы Родиной пожертвовать? Не надо лукавить — в Москве были не свободные выборы, а явное, откровенное подыгрывание одному из кандидатов, занявшему в итоге второе место. Я, например, считаю, что действительно свободное голосование было в Московской области. Никто Гудкову ничем не мешал. А он только и делал, что в своем айфончике ретвитил панегирики в свой адрес. И кто говорит

о фальсификациях в Московской области? Никто об этом не говорит. А в Москве мало того, что Навальный и так из каждого унитаза звучал, так нет же — все равно нашли какие-то нестыковки и показывают этим хомячкам какой-то график: мол, вот они — фальсификации. Нельзя идти на бесконечные уступки, иначе, в конце концов, можно просто разрушить свой дом. Надо учиться жить в демократическом обществе, которое руководствуется волей большинства. И Навальный не может не знать, на чьей стороне оказались предпочтения большинства. В его любимой Америке, в которой он учился в Йельском университете, кто на следующий день после выборов публично заявит, что еще посмотрит, призывать ли выходить с файерами жечь машины, тот моментально окажется в тюрьме — за фактический призыв к насильственному свержению государственной власти. Когда же мы, наконец, поймем, что нам объявлена война, что мы как были, так и по-прежнему остаемся препятствием для развития Запада вообще и Америки в частности? Их заинтересованность в наших ресурсах, в нашей территории столь велика, что у них хватит денег на пятьсот эффективных пиар-кампаний, чтобы привести у нас к власти своих апологетов. Поэтому понятно, что тех, которые об этом говорят открыто, будут гнать, травить, дискредитировать. И тут уж каждому самостоятельно придется решать — готов он к такой жизни или не готов. Если не готов, тогда ты не имеешь права претендовать на какую-либо публичную роль в нашей стране.

— Вы стали политиком уже не федерального, а мирового уровня, после того как Обама встречался в Петербурге с российскими ЛГБТ-активистами. Ведь этот демарш президента сверх-

державы — как бы ответ Вам, ответ на российские законодательные нововведения, восходящие к Вашей инициативе. Принимаете перчатку?

— Видите ли, есть люди, с которыми даже неприлично здороваться, она пахнет невкусно — эта перчатка. Я могу сказать только одно: Обама выпендривался. Я не международный политик и поэтому имею право говорить предельно откровенно. Просто выпендривался, не желая встречаться с нашим президентом для обсуждения сложившейся на тот момент ситуации фактически кануна Третьей мировой войны, которую Америка собиралась развязать, начав кампанию против Сирии. Но Россия-то в итоге оказалась права. Россия договорилась и решила проблему химического оружия в Сирии. Этого основания для вторжения в Сирию больше не существует. Так нет же, все равно Америка не отказывается от намерения наказать Асада. И опять же нарушения прав человека беспокоят Вашингтон очень избирательно. Его почему-то не волнуют преступления повстанцев против христианского населения этой страны. Я видел кадры, на которых показаны тела убитых изнасилованных женщин с воткнутыми в их головы крестами. Но это Обаму не трогает. Его трогает проблема, извините меня, задниц пяти человек в Петербурге. В нашей городской ЛГБТ-организации пять — ну, десять максимум — человек состоят, не больше. Вот это для президента Америки, оказывается, важнее. Ну, если для него важнее проблема, еще раз прошу прощения, задниц, то пускай он с этими задницами и общается дальше. То есть он продемонстрировал свой уровень — примитивный, мелочный и пустой абсолютно. Это, конечно, плевок в нашу сторону. Но в данном случае плевок

упал на него самого, потому что мы выше этого уровня. России, наконец, надо перестать уже по традиции бояться хмурого взгляда или какого-то экивока с Запада. Нам надо создать систему эффективной информационной политики на Западе.

— На Западе и для Запада?

— Совершенно верно. Я — региональный депутат. У меня нет полномочий официально действовать на международном уровне. И поэтому приходится многое делать на частном, на гражданском уровне. Например, сейчас мы ведем очень серьезную работу по открытию русского правозащитного центра в Косове. Уже есть соответствующие договоренности с сербами. Коренное православное население Косова находится в жутком состоянии. Людей убивают, насилюют, грабят, но никто об этом не говорит. И я надеюсь, что наш центр сможет хотя бы как-то повлиять на ситуацию в этом крае. Наш партнер в этом начинании — Сербская православная церковь. У меня есть договоренность и с представителями Русской православной церкви о поддержке нашей инициативы. У Русской церкви есть представители в Совете Европы, и они смогут доносить собранные нами сведения до широкой европейской общественности. То есть косовский центр поможет европейцам, во-первых, как-то по-новому взглянуть на себя, на ту роль, которую они должны играть в устройстве действительно общеевропейского — не на словах, а на деле — дома. Во-вторых, с помощью этого центра они смогут получать подлинную — а не профильтрованную — информацию о том, каков на самом деле результат деятельности международных — европейских и главным образом американских — организаций в Косове. Понятно, что

мы не могли рассчитывать на государственное финансирование. Поэтому я признателен православным предпринимателям, которые очень помогли нам, — думаю, что уже к концу года мы откроем офис центра в Косове. Единственная помощь от государства, на которую я рассчитываю в этом деле, сугубо знаковая. Я намерен обратиться к президенту, чтобы разрешил нам вывесить над офисом в Косове флаг России.

— А какова позиция официального Белграда?

— У меня есть письмо руководителя Бюро правительства Сербии по Косово и Метохии, в котором он обеими руками поддерживает нашу инициативу. То есть это — официальная позиция сербского правительства. Я говорю, что с формальной стороны наша деятельность на Балканах досконально согласована, проблема лишь в том, что мне приходится действовать как частному лицу, так как я не федеральный политик...

— Пока не федеральный политик...

— Ну, ничего, буду это делать просто как христианин, как петербуржец.

— Спасибо, Виталий Валентинович, за интересное и предельно откровенное интервью. Желаю Вам успехов во всех Ваших многочисленных начинаниях — как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических. Мне совершенно очевидно, что в Вашем лице мы имеем политика новой генерации, действительно озабоченного делом, а не собственным карманом. Мы слышим о представителях этой новой генерации российских политиков, которые в последнее время все громче заявляют о себе — однако, к сожалению, пока что чаще на региональном уровне. Поэтому очень надеюсь, что моя оговорка, что Вы — пока не федеральный политик, окажется пророческой. ☹